

Путевые заметки и дневники путешественников как источник сведений о духовном развитии казахского общества Нового времени

*Нурғалиева А. М.,
к.и.н., доцент
Западно-Казахстанского
государственного университета
им. М. Утемисова, г. Уральск*

На основе разнообразных источников автор показала научный и историко-культурный вклад отечественных и зарубежных путешественников XVIII–XIX вв.

в исследование этнографии, географии, культуры и истории Казахстана как одного из крупных регионов Российской империи.

В статье обращается внимание на малоизученные культурно-антропологические аспекты взаимодействия этносов, проводится сравнительный анализ организационных основ, общественно-политической и научной значимости результатов изучения природных ресурсов, социального устройства и традиционной культуры общества.

В публикациях начального периода русско-казахских взаимоотношений преобладал жанр путевых записок, дневников, написанных учеными различных специальностей, администраторами, военными и просто путешественниками.

Практическая потребность российского правительства в сведениях об обширных территориях казахских степей для их комплексного освоения диктовала необходимость изучения его населения. С этой целью были организованы комплексные экспедиции Российской Академии наук. Из исследований, родившихся по итогам первой Оренбургской экспедиции, начавшей работу в 1733 г., определенный интерес представляют работы В. Н. Татищева, артиллериста, горного инженера, крупного администратора, ставшего впоследствии крупным историографом и историком. Он возглавил экспедицию после смерти ее первого организатора

И. К. Кириллова и проводил рекогносцировку линий фортов от Самары через казахскую степь в Сибирь [1].

Попутно он занимался сбором этнографических материалов и затем использовал их во многих своих научных трудах. Так, в главе «О чинах и суевериях древних» в «Истории российской» описание свадебных и погребальных обрядов, а также обрядов, связанных с рождением ребенка у «магометан и язычников», дано на казахском этнографическом материале [2].

Из других участников первой Оренбургской экспедиции хотелось бы назвать английского живописца, состоявшего на русской службе, — Джона Кэстля. В 1736 г. он побывал в ставке хана Абулхаира у Аральского моря. Его «Дневник путешествия» был опубликован в 1784 г. в качестве приложения к «Материалам по русской истории» [3]. В дневнике он описал, помимо прочего, руины старинных зданий и могил, нравы и быт казахов, их верования и обычаи. Так, он сделал описания основных этапов свадебного и погребального обрядов.

Во второй половине XVIII в. с целью производства естественно-исторических и этнографических исследований была предпринята вторая академическая экспедиция в казахские земли и по ее результатам опубликованы записки о путешествиях П. С. Палласа, И. Георги, И. П. Фалька, Н. П. Рычкова [4] и некоторых других.

Много сделал для изучения этнографии казахского народа приглашенный в Российскую Академию наук зоолог, батаник, палеонтолог, топограф Петр Симон Паллас. Он был руководителем второй экспедиции. П. С. Паллас считал, что сбор этнографических данных очень важен для изучения истории и культуры народа. По материалам путешествия 1769 г. в казахские аулы им был написан историко-этнографический очерк. В его книге нашлось место описанию обычаев казахов, свадебных

торжеств и погребальных обрядов, дается подробная характеристика различных категорий шаманов, приводятся сведения о распространении ислама в казахской степи, о сохранении многих элементов языческих верований. «Киргизцы, — пишет он, — содержат магометанский закон, который, по их объявлению, приняли они еще в Туркестане и потому берут себе столько жен, сколько купить или похитить могут... По магометанскому обыкновению трудно видеть женский пол, и богатые имеют для каждой жены особливую кибитку и для себя также особую. Они в своем законе тверды, но при том весьма темное имеют понятие, потому что у них очень мало магометанских духовных. Ныне в их орде находится ахун или главный поп, который обыкновенно с ханом кочует. В своем житии весьма наблюдают они магометанский закон и потому не едят нечистого, увеченного, хромого или другого поврежденного скота» [5].

Отметим, что российская наука второй половины XVIII в. представлена работами не только русских по происхождению авторов. Результаты научных изысканий описывались не только на русском, но и на немецком и французском языках, многое из опубликованного на русском языке переводилось на европейские языки. Нерусскими по происхождению были П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. П. Фальк, но их деятельность явилась достижением Российской Академии наук.

Шведский профессор натуралист Иоганн Фальк был приглашен в 1763 г. Российской академией. В результате путешествий, в том числе и по казахским аулам, а также городам Казахстана (Семипалатинск, Петропавловск, Оренбург) он собрал многочисленные материалы. Рукописи И. Фалька после его смерти подготовил к изданию и опубликовал И. Георги. Они вышли на немецком языке в Петербурге в трех томах в 1785–1786 гг. и затем в четырех

томах в 1894 г. На русский язык переводились лишь отдельные отрывки, включенные в сборник «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», подготовленный С. Д. Асфендияровым и П. А. Кунте [6]. В 1997 г. вышло второе издание сборника. Но и опубликованные в сборнике материалы И. Фалька дают представление о позиции ученого по вопросу о степени влияния ислама на казахов. Он писал: «Магометане киргизы очень плохие... Ни мечетей, ни школ у них нет» [7]. Имеются замечания по поводу ислама и казахов и у И. Георги, которые, правда, говорят о его весьма смутном знакомстве с проблемой. Так, он писал: «...целые улусы не имеют мулл ... малое количество находящихся у них мулл состоит из полоненных ими российских или других каких татар» [7, с. 245]. Упоминается у него и поминальный обычай, который к чисто исламским отнесен быть не может: «Всякий улус правит, сверх того, ежегодно общие поминки на кладбище» [8, с. 245].

Во второй половине XVIII в. были опубликованы две работы капитана Н. П. Рычкова, также содержащие интересные данные по этнографии казахов [9].

Путешественниками XVIII в. был собран обширный историко-этнографический материал, при этом описанию обычаев и веры как элемента народного духа придавалось большое значение. Отметим, что большинство сведений, сообщаемых исследователями, собрано ими путем наблюдений и расспросов жителей. Поскольку главной задачей ученых путешественников было описать и классифицировать все увиденное, в них описание преобладало над исследованием и в их суждениях явно видно отражение официальной политики двора. Кроме того, следует отметить, что собранный этнографический и исторический материал касался в основном Младшего и Среднего казахских жузов. Поэтому неслучайной следует признать публикацию на русском языке в переводе с фран-

цузского книги Дж. Маккартнея и Дж. Стонтонна об их путешествии в 90-х гг. XVIII в. [11].

В форме записок о путешествиях создавали свои научные труды, касающиеся Казахстана, и ученые первой половины XIX в. Как и в предыдущий период, исследования некоторых западных путешественников издавались в России на языке оригинала [12]. Часть из них публиковалась за рубежом на немецком [13], английском [14] языках и становилась достоянием европейской науки. Ф. Мюллер многие страницы своей работы посвятил описанию образа жизни казахов, их религиозных представлений, культу предков [15]. Ч. Г. Котрель, путешествовавший в 1840–1841 гг. по Сибири, посетил Петропавловск, Усть-Каменогорск, Омск, Оренбург, составил описание этих городов, а также образа жизни, обычаев, религиозных представлений казахо-степняков [16].

И на этом этапе путешественники отмечали слабую исламизированность основной массы казахов. Так, А. Янушкевич, путешествовавший по казахской степи во второй половине 40-х гг., в своем путевом дневнике за 1846 г. отмечал: «Заметно, что только киргизская аристократия отправляет мусульманские молитвы... Простые же киргизы не молятся» [16]. Интересные сведения он привел и о деятельности в Каркаралинском округе ходжей: «Уже несколько лет находился в этом округе старый ташкентец, ходжа, который, принеся из Азрета (г. Туркестан) разные святыни, занимался по разрешению султана своим делом: одних проклинал, других благословлял, тем читал молитвы или раздавал освященные талисманы, — и дела у него шли хорошо, потому что имел он разные «подношения» от киргизов. Его святость особенно возросла, когда он, оскорбленный одним киргизом, остановил у него во рту язык, да так тот уже три года слова не может вымолвить» [16, с. 191].

Путешествовавший в 1834 г. по букеевским степям К. Гебель оставил в своей работе «Поездка в Ставку Джангира Букеева, хана внутренней киргизской орды» описание любопытного случая: «В 6 часов вечера мы слышали голос муллы, совершавшего в большой зале моление. Мулла этот был сам хан, которого я сначала не узнал, потому что он был в белой шелковой чалме. Он принял эту обязанность за отсутствием настоящего муллы. Я удивлялся нерушиму благоговению молящихся, хотя в той комнате кипел огромный самовар и люди ходили взад и вперед. Мечети еще не было, но хан предполагал ее выстроить» [17]. Здесь мы видим целый ряд нарушений мусульманской культовой практики.

Отметим, что одним из наиболее часто посещавшихся регионов была Букеевская орда. Ее просвещенный правитель хан Джангир создавал условия для работы ученым и путешественникам, изучавшим казахские степи. В 1826 г. в букеевских степях в сопровождении Г. С. Карелина и И. П. Кириллова побывал ученый-натуралист Э. А. Эверсман. В 1828–1929 гг. совместно с Клаусом и Людвигом он совершает вторую поездку. В Петербургском филиале Архива Российской Академии наук сохранилось письмо, написанное в декабре 1929 г. ханом Джангиром Г. С. Карелину в период подготовки этой поездки. В нем он пишет: «Любезный друг Георгий Силич! Сейчас я получил от его высокопревосходительства предложение о приезде господ путешественников и с сим же вместе подписал султанам Чуке и Тауке, чтобы они готовили для тех киргизские две кибитки, верблюдов и работников, если им понадобятся. Для меня весьма будет жаль, если они проедут мимо моей Ставки, вам известно, что я хоть и сам не такой человек, как люблю таких знатных и умных людей. Если будет возможно, то попросите их ко мне и сделайте меня с ними знакомыми» [17, с. 591–592].

В 1829 г. с ханом Джангиром встречался ученый-путешественник Александр Гумбольдт. «Молодой хан Внутренней орды Джангир Букеев, который говорит по-русски, персидски, арабски и очень образованный человек», — писал он в одном из писем [18].

Как пишет И. С. Иванов, «хан принимал их (путешественников) всегда с особенным радушием и гостеприимством. Гебель вместе с Клаусом и Бергманом в 1834 г. пробыли в ставке трое суток и остались очень довольны его «чрезвычайным» гостеприимством, которого они никак не ожидали» [19]. К. Гебель оставил описание этого визита в работе «Поездка в Ставку Джангира Букеева, хана Внутренней киргизской орды», впервые опубликованной в «Астраханских губернских ведомостях» в №№ 45, 46, 47 за 1845 г. (Полный текст напечатан в сборнике «История Букеевского ханства.») В его работе мы находим подтверждение приведенному выше утверждению И. С. Иванова: «23 апреля (1834 г.) прибыли мы к киргизской границе. Здесь встретили нас с приветствием от имени хана трое посланных с несколькими киргизами и 20 лошадьми. Мне предложили по киргизскому обычаю для употребления жирную овцу, но я отказался и просил об ускорении пути. Лошади вскоре были запряжены, и мой тарантас понесли пять сильных лошадей. Султан и секретарь ханский ехали верхом по сторонам экипажа, а с ними и киргизы...» [20]. Описывая прием у хана Джангира, он добавляет, что тот ожидал их приезда: «Он объяснил мне, что уже несколько недель он был извещен военным оренбургским губернатором о моем прибытии и что как от Глиняного до Камыш-Самарского озера, так и в другие места для меня готовы будут с удовольствием лошади» [20, с. 832].

В доме хана имелась неплохая по тому времени библиотека, содержавшая книги как на русском, так и на восточных языках. Собирал хан также и сведения об истории и культуре своего

народа. В описи имущества хана, составленной после его смерти, значатся 212 книг, как сказано, «татарских разного содержания» [21]. Ученые и путешественники, бывавшие у него, имели возможность знакомиться с этими материалами. В подтверждение этого приведем выдержку из «Записки барона Ф. А. Бюллера о путешествии во Внутреннюю орду»: «Вечер провел я в чтении разных печатных и рукописных сведений о киргизах» [21, с. 424].

Впечатления и наблюдения путешественников по Казахстану непосредственно влияли на общественную мысль России и являлись отражением русско-казахских отношений в определенный момент.

Ученые географы, естествоиспытатели, горные инженеры, военные специалисты, бывавшие в казахских степях с экспедициями или постоянно проживавшие и работавшие там помимо выполнения своих основных задач обязательно обращали внимание на особенности жизненного уклада, самобытную культуру казахского народа. Многим из них это официально вменялось в обязанность. Авторы работ, посвященных казахам, впрочем, как и другим инородцам, руководствовались по большей части личными впечатлениями и наблюдениями. Их труды имели подчеркнуто описательный характер, посторонние наблюдения и анализ сводились к минимуму, абстрактные теоретические рассуждения в них, как правило, отсутствовали. Далеко не всем из них удавалось поникнуть в суть наблюдаемых ими явлений. М. Галкин, служивший в Оренбургском крае, объехавший значительную часть казахских степей от Урала до Тобола и до среднего течения Сыр-Дарьи, участвовавший в миссии в Хиву в 1858 г., жаловался на трудности сбора материалов из-за неумения установить контакты: «Подозрительность среднеазиатцев так велика, что подробное изучение их стран на месте почти невозможно. За

всяким европейцем следят постоянно, самый обыкновенный вопрос его стараются перетолковать в ином значении и обойти ответом. И не одни подобные вопросы представляют затруднение, но и самая простая наблюдательность и осмотр местности обставляются разными стеснительными условиями» [22].

Характеризуя публикации XVIII–XIX вв., хотелось бы привести суждение по этому поводу Л. А. Словохотова из его статьи, опубликованной в 1905 г. в Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии. Оно эмоционально и резко, но, на наш взгляд, достаточно верно отражает реальную ситуацию. Приведу его дословно: «Оригинальностью своего быта, некоторое время торговым, а в недавнее прошлое и политическим значением для России, киргизы более чем другие русские инородцы привлекли к себе внимание пишущего мира, который дал ряд историко-этнографических работ, журнальных статей и газетных заметок о быте и истории киргиз. Написанные в большинстве случаев прямо от руки, под первым непосредственным впечатлением, эти труды сильно грешат субъективизмом оценки, что придает им более характер авантюризма, чем серьезной научной работы» [23].

Во второй половине XIX в. по-прежнему печатались записки путешественников, совершавших поездки по Казахстану. Одной из интересных была книга П. И. Пашино, в которой приведены примечательные факты о Туркестанской мусульманской святыне [24]. Но тогда же вышел в свет целый ряд работ, авторы которых явственно выразили свою позицию в отношении принадлежности казахов к исламскому миру. Многие исследователи отмечали, что с включением Средней Азии в состав Российской империи уровень исламизации казахов-кочевников стал нарастать. Об этом писали Г. Н. Потанин, Б. Даулбаев, Н. С. Лыкошин [25].

Так, например, Н. С. Лыкошин сообщает о все нараставшем количестве па-

ломников, в том числе и из Казахстана: «В конце истекшего 1901 г. число паломников в Чимкентском уезде достигло небывалой цифры 188 человек ... и самые отдаленные кочевые волости, занятые исключительно киргизским населением, дали значительный процент религиозных паломников... Из всех волостей уезда насчитывается 126 паломников. В большинстве паломники преклонного возраста, но некоторые из них отправились в сопровождении юных сыновей и даже жен» [26].

Немалый интерес с позиций нашего исследования представляет широко известный двухтомник американского исследователя и путешественника Ю. Скайлера [27]. В нем рассматривается широкий круг проблем, касающийся политики царской администрации в казахских землях, истории и этнографии казахов. Характеризуя степень религиозности казахов, Ю. Скайлер пишет: «Хотя киргизы считаются мусульманами, мало кто из них имеет установленные религиозные принципы... Они редко молятся, и их вера смешана со многими сверхъестественными представлениями, исходящими из язычества и шаманизма» [27, р. 37–38]. Привлекает позиция автора по вопросу о роли российской религиозной политики в утверждении в казахских землях ислама: «Русские, однако, упорно (столь же упорно, как и при внедрении татарского языка для сношения с киргизами) считали их магометанами, строили мечети и посылали мулл, пока весь народ внешне не был обращен в мусульманство» [27, р. 38].

Иностранные путешественники стремились запечатлеть все наиболее примечательное, попадавшееся им на пути. Немец Генрих Мозер, например, отметил плачевное состояние чуда среднеазиатской архитектуры комплекса Ахмеда Ясави: «Нерадивость духовенства, обязанного следить за сохранностью строений, привела к тому, что богатый мозаичный декор сохранился очень мало» [28].

Ряд работ путешественников и ученых также была издана в России, например книга немецких естествоиспытателей Отто Финша и Альфреда Брема [29]. Помимо других ценных сведений она содержит в себе описание обычаев, космогонических и медицинских представлений казахов. В 1894 г. в журнале «Нива» была напечатана статья А. Брема «Бытовая и семейная жизнь киргиз», являющаяся переводом одной из глав его книги, вышедшей в Штутгарте [30].

Шведский географ, путешественник Свен Гедин совершил три путешествия через казахские степи, четыре месяца жил среди казахов. Описание его третьего путешествия издано на русском языке. В нем привлекают внимание страницы, посвященные мавзолею Ахмеда Ясави и мечети: «На кровле мечети несколько дыневидных куполов. Облицовка из фарфоровой глины свалилась с фасада, но на двух стенках здания она вполне уцелела и пестреет голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена четырехугольной глиняной стеной, которую построил Худояр-хан, внутри этой стены расположены русские казармы» [31].

Обращает на себя внимание факт неравномерного изучения Казахстана в пространственном смысле. Интерес подавляющего большинства иностранцев привлекали пограничные районы, а также местности, через которые пролегали торговые и караванные пути, железные дороги. Поэтому особенно интересна книга Рихарда Карутца «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке», посвященная региону, мало притягивавшему внимание путешественников, особенно зарубежных. Эта книга была написана им по итогам поездки летом 1909 г. В ее основу легли личные наблюдения автора, а также научные работы Палласа и Радлова. Р. Карутц самокритично оценивает представленные им в своей книге материалы, не претендуя на абсолютную верность своих суждений: «Я жил среди них (казахов) не годы

и сноился с ними через переводчика, а мои наблюдения и отдельные случаи не дают мне еще права составить вполне правильное суждение» [32].

Некоторые его выводы и суждения не вполне совпадают, а часто даже противоречат точкам зрения большинства российских авторов, оценивавших степень влияния ислама на казахов. Сам Рихард Карутц был знаком только с научными исследованиями, изданными на немецком языке, и в своей работе он выразил отношение лишь к точкам зрения Ф. фон Шварца и В. Радлова. Утверждение Шварца о том, что ислам в Казахстане распространялся российским правительством, Р. Карутц практически высмеивает: «Шварц, приводя разные истории о киргизах, говорит, между прочим, что киргизам ислам был навязан русским правительством, благодаря недоразумению: считая киргизов магометанами, оно в официальных сношениях и актах говорило постоянно об Аллахе, посылало к ним мулл и строило мечети. Это вне всякого сомнения небылица» [33, с. 123]. Гораздо более убедительной он считает совершенно иную точку зрения: «Радлов, напротив того, утверждает, что киргизы уже столетия как перешли совершенно в ислам, и я могу только присоединиться к нему, когда он считает себя в праве признавать их даже строгими магометанами» [33, с. 123]. В подтверждение высказанного положения он пишет следующее: «Они бреют голову, уничтожают волосы на теле, подстригают усы, которые не должны покрывать губы, и оставляют нетронутой остальную бороду, вырывая волосы только на подбородке; они уже не едят, как делали это прежде, кровь убитых животных; они устраивают двери в сторону Мекки, совершают

предписанные им молитвы и исполняют некоторые правила строже, чем я это видел где бы то ни было» [33, с. 123].

И все же Р. Карутц признает значение для распространения в Казахстане ислама татарского источника, который он называет «новым, открывшимся или возобновленным для ислама степной области вместе с русской эрой», отмечая при этом, что «продолжает существовать своим чередом более древний Туркестанский» [34, с. 126]. Представляет интерес его наблюдение о том, что «Мангышлак на основании старых связей тяготеет к Хиве; отсюда он получает свое зерно, туда он посылает своих молодых людей для подготовки в муллы» [34, с. 126].

Таким образом, в XVIII–XIX вв. благодаря усилиям не только русских ученых и практиков, а также и путешественников по Казахстану были собраны ценные исторические и этнографические сведения, увидел свет целый ряд публикаций, освещающих отдельные вопросы, входящие в круг проблем истории ислама в Казахстане. И хотя история ислама в Казахстане, характеристика народных верований, особенностей конфессиональной политики правительства среди большинства публикаций этого этапа не являлись предметом специального рассмотрения, но тем не менее получили определенное освещение. Конечно, наблюдения путешественников зачастую были поверхностны, ограничивались лишь внешней стороной культурного быта и не всегда верны. Тем не менее они внесли вклад в накопление определенного опыта исследования религиозных верований казахов, особенностей российской конфессиональной политики в казахской степи.

Литература

1. Попов Н. Татищев и его время. М., 1861. С.190.
2. Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен. Кн. 1. М., 1769.
3. Journal von Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul-

Geier Chan der Kirgis-Kaysak Tartarischen Horda aus freiem willen und blostem des russischen reiches untergenommen höchst nothigen und zwar geführlichen doch glücklich volbrachten Reise, dargestellt durch John Castle einen Engländer und gewesenen Kunstmaster bei der Orenburischen

- Expedition // Materialien zu der Russischen Geschichte zeit Tode Kaisers Peter des Grossen Zweiter Teil. 1730–1741. Riga, 1784.
4. Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1–3. СПб. 1773–1783; Фальк И. П. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб. 1785–1786; Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Т. 1–4. СПб., 1799; Рычков Н. П. Дневные записки капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи. СПб., 1772.
5. Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1773. С. 574–575.
6. Прошлое Казахстана в источниках и материалах: Сборник / Под ред. С. Д. Асфендиярова и П. А. Кунте. Сб. 1: V в. до н.э. — XVIII в. н.э. Алма-Ата, 1935.
7. Прошлое Казахстана в источниках и материалах: Сборник / Под ред. С. Д. Асфендиярова. Сб. 1: V в. до н.э. — XVIII в. н.э. Алма-Ата, 1997. С. 246.
8. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1779. С. 139.
9. Рычков Н. П. Журнал или дневниковые записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российской империи. СПб., 1770–1772; Его же. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкую степь в 1771 г. СПб., 1772.
10. Маккартней Дж., Стонтон Дж. Путешествие во внутренность Китая и Татарию, учиненное в 1792, 1793, 1794 гг. / Пер. с франц. Ч. 1–4. М., 1804–1805.
11. Gens A. Nachrichten über Chiva, Buchara, Chokand und die nordwestlichen Theil des chinesischen Staats. / Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. Bd. 12. St.-Petersburg., 1839; Gelmersen F. Reise nach dem Ural und die Kirgisensteppe in den Jaren 1833 und 1835 / Beiträge... Bd. 15. St.-Petersburg., 1841; Schrenk Al. Bericht über eine in Jare 1842 in die ostliche Dsungarische Kirgisensteppe unternomene Reise. / Beiträge ... Bd. 87. St.-Petersburg, 1845; Basiner Th. F. Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiva / Beiträge ... Bd. 15. St.-Petersburg, 1848.
12. Ledebour K., Bunge, Meyer K. Reise durch das Altaigebirge und die soongorische Kirgisensteppe. Zweiter Teil. Berlin, 1830.
13. Abbott J. Narrative of a journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the late Russian invasion of Khiva. Vol.1. L. 1843 Hell H.H. de. Travels in the Steppes of the Caspian Sea? The Crimea? The Caucasus, etc. L.
14. Müller F. Des Urgusche Volkstamm oder untersuchungen über der Langergebiete am Ural und Caucasus. Berlin, 1837.
15. Cottrell Ch. H. Recollection of Siberia in the years 1840 and 1841. L. 1842. P. 28, 33–37.
16. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. С.114, 215.
17. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. Б. Т.Жаналиев, В. А.Иночкин, С. Х.Сагнаева. — Алматы: 2002. Приложение «Букеевское ханство по материалам дореволюционных изданий». С. 835
18. Акбай Ж. Хан Жангир. Орал. Б.г. С. 72
19. Чит. по: Букеевской орде 200 лет. Книга 2. — Алматы, 2001. С. 13.
20. История Букеевского ханства... Приложение «Букеевское ханство по материалам дореволюционных изданий». С. 831.
21. История Букеевского ханства... Д. №626. С. 702.
22. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 199.
23. Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргизов Малой орды // Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Вып. 15. Оренбург, 1905. С. 21–22.
24. Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. СПб., 1868.
25. Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. 1896. №8. С. 81; Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 г. // Записки Оренб. отдела РГО. Вып. IV. Оренбург. 1881. С. 115; Лыкошин Н.С. К статистике паломничества в Мекку // Туркестанские ведомости. 1902. № 3.
26. Лыкошин Н. С. К статистике паломничества в Мекку // Туркестанские ведомости. 1902. №13 .
27. Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kulddja. New York, 1876 .
28. Moser H. Durch Central-Asien. Leipzig, 1888. S. 74
29. Финш О., Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882 .
30. Брем А. Бытовая и семейная жизнь киргиз // Нива. 1894. №2. С. 326–426.
31. Гедин С. В Центральной Азии. Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан. СПб., 1899. С. 17
32. Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910. С. 38.
33. Там же. С. 123
34. Там же. С. 126.